

ГЛАВА
КАПИТОН

ЧАСТЬ 8

ВОСЬМАЯ ВСТРЕЧА

12 НОЯБРЯ 2008

ЛОСИНЫЙ ОСТРОВ

КВАРТИРА МОНАСТЫРСКОГО

НА УЛИЦЕ КОРОЛЕВА

ВАДИМ ЗАХАРОВ

ЮРИЙ ЛЕЙДЕРМАН

АНДРЕЙ МОНАСТЫРСКИЙ

ЕЛЕНА ЕЛАГИНА

ИГОРЬ МАКАРЕВИЧ

АНДРЕЙ СИЛЬВЕСТРОВ

ЕЛЕНА КАЛИНСКАЯ

ДАРЬЯ НОВГОРОВОДА

Первые две акции Монастырского и Лейдермана проходили в парке на Лосиноостровской. Акция Захарова проводилась после, в квартире Андрея Монастырского на Королева.

АНДРЕЙ МОНАСТЫРСКИЙ. ТРИ МЕГАФОНА ДЛЯ КАПИТОНА

На берегу Яузы (недалеко от места, где находится объект “Нирвана” акции “Пересечение-2”) на ветках дерева были повешены портреты Наполеона (в круглой рамке под стеклом диаметром 7 см), Мюрата, Нея и Груши (в прямоугольных рамках меньшего размера).

Напротив них, на южном берегу Яузы, В. Захаров и Ю. Лейдерман повесили на дерево зеленую бархатную коробку с укрепленным на ней диском видеозаписи акции КД “Русский мир” в пластмассовом футляре с обложкой, представляющей собой цветную фотографию эпизода из “Русского мира”, где в снежном поле группа зрителей обступила возвышающегося над ними Большого Белого Зайца акции.

Перед тем, как отправиться на южный берег Яузы, Захарову и Лейдерману были вручены мегафоны с наклеенными на них черно-белыми фотографиями портретов народных сказительниц Федосовой (1831 – 1899) и Кривополеновой (1843 – 1924). На третьем мегафоне (у Монастырского) был наклеен цветной портрет Даву.

Сначала А. Монастырский через мегафон с Даву прочел текст № 324 из книги “Традиционный фольклор Новгородской области”, Санкт-Петербург, Алетейя, 2001.

*Была бабка, Шура Малышева. Умер у неё дедка. Вот, значит, она говорит:
– Я выключила свет. Зааминила все окна, все дырочки. И вот одну дырочку я оставила, вот под полом. Ну, в подпол дырочка – от печки идёт маленькая дырочка. И от я легла ночью спать. Уже задремала, слышу: ко мне на кровать кто-то ложится и обнимает меня холодной-холодной рукой!*

От я так напугалась, соскочила и толкаю его. А он меня всё прижимает и прижимает к себе, этот вот, ну, дедка-то. Вот сегодня схоронили, а вечером уж он, ночью пришёл. От я ему и говорю:

– Ты чего, говорю, пришёл?

Села так, к стенке прижалась и начала там разным матом его ругать. А он всё равно стоит! Вот я ему и говорю:

– Уходи, уходи, ты мне не нада! И не приходи больше! Он все равно стоит! Я начала зааминивать:

– Аминь, аминь, аминь!

А он вот так стоит на меня смотрит:

– Уо-о-о! Аминь-аминь-аминь! — говорит.

Ну, язык высунут далеко так, длинный такой язык, тоже сделан от так:

– Аминь-аминь-аминь!

Пошёл, пошёл к печке, к дырочки, с которой пришёл. И стал он туда уходить. Полез-полез-полез... Я смотрю: забрался уже до половины; до колена уже; потом ботинки одни остались – ну, вот в дырочку-то вот в эту. Потом и ботинки эти пропали. Тьфу!

Я сижу, думаю: ну что, ложитца спать или не ложитца? Подбежала к этой дырочки опять, смотрю, что он туда залез-та. Она её зааминила. А потом только опять заснула, опять – ж-ж-ж-ж!!! С таким, говорит, воем прилетел опять кто-то ко мне! Я опять соскочила, сижу!

Опять этот дедка к ней пришёл! И вот опять начал...

– А я, – говорит, – и говорю: “Деда, да откуда ты, мол, приходишь-то? Я все зааминила – и окна, и двери!”

А он и говорит:

– Не-е-ет! Ты вот одну маленькую дырочку в окошке не зааминила.

Я вот в нее и пришёл!

Она опять начала зааминивать... Ну, его убрала она. Он вышел на улицу. Слышу по снегу так — хруп-хруп-хруп — хрустит, ходит. Это, значит, потом я к окошку подбежала. Посмотрю: он к кладбищу так и пошёл, и пошёл, и пошёл...

Потом... Ножик, кажется, торкают в стенку, чтоб не ходил-то. Покойник умирает, говорят, что он ходит иногда вот, приходит. Может задавить там или задушить.

Вот она потом все каждую ночь зааминивала и ножик в дверь торнула там где-то в этот паз.

– И, – говорит, – больше ко мне он ходить не стал!

После чего Захарову было предложено через его мегафон прочесть текст № 364 из той же книги:

В старину много было чародейства, и онна женицина превращалась в колясо. И она много делала худого: погибал скот, погибали люди.

Когда она каталась, люди поняли, что нужно в это колясо продеть вярёвку. И сделать плохо. Поймали это колясо и продели вярёвку. А когда она стала человеком, то было продет в рот вярёвка. И ей очень мяшало. Люди ей отомстили. И поэтому она осталась человеком с вярёвкой.

Лейдерману – текст № 381.

У нас в дяревне жил дед. Яго звали Гришей. И пошёл он в гости. Где-то в Зух, в Зух оны сошлись. Да. И другой колдун пришёл. И вот оны давай споритца. И вот наш дед и говорит:

– А ты хочешь, сейчас портки сденешь и в углу насерешь?

Вот, и этот мужик через несколько минут портки сдел, пошёл в угол и давай срать в углу.

Да, вот это правда, истинная правда! О как люди знали! Только это колдуны. Это колдуны.

Затем также через мегафон Монастырским был рассказан эпизод о том, как, подъезжая к Неману, Наполеон упал с лошади, испугавшейся выскочившего у нее из-под копыт зайца.

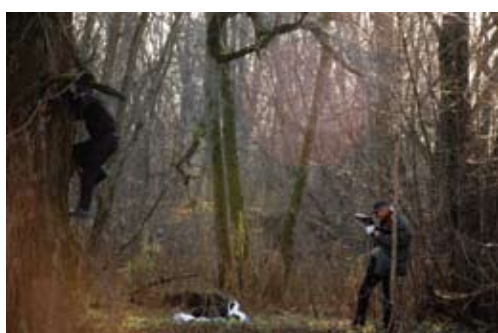
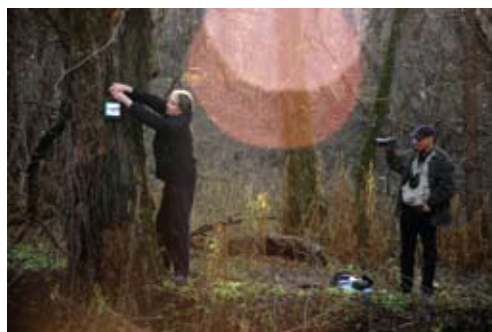
После чего произошло обсуждение (через три мегафона) поставленного АМ вопроса о “пустом действии” данной акции (нужно или не нужно оставлять объекты акции после ее завершения для анонимных зрителей). В результате обсуждения было решено на северном берегу Яузы оставить только портрет Груши, а на южном перевесить коробку с “Русским миром” (положив футляр с dvd-диском и фотографией внутрь коробки) повыше на том же дереве, что и было сделано В. Захаровым.

(Важными этапами акции были проход ВЗ и ЮЛ к месту действия – перелезание технического моста из труб, на котором висел круг с цифрой “62” в предыдущей акции, и переход по берегу до места примерно 250 метров, и проход после акции дальше на запад по тому же берегу и лесу с жилищами бомжей в виде полиэтиленовых палаток примерно 1000 метров до большого железнодорожного моста над Яузой Ярославской железной дороги).

Мегафон с Федосовой и портрет Нея в качестве фактографии акции был вручен Лейдерману, а мегафон с Кривополеновой и портрет Мюрата – Захарову.

Москва, Лосиный остров

АКЦИЯ ЮРИЯ ЛЕЙДЕРМАНА

По специально оформленным авторским книжечкам Андрей Монастырский и Вадим Захаров дуэтом зачитывали стихотворение:

И пипюси Геракла огонь, огонь,
и лев его сталь, сталь,
и бедра его трон и Крон,
и брови вниз как стихарь.

И хребет Геракла доись, доись,
зябликом копчик в пыли —
на костер можно завтра, потом, обойдась,
ведь товарищей нету: и-и!

Андрей Сильвестров осуществлял режиссирование и съемку, понуждая к все новым и новым дублям.

Квартира Андрея Монастырского на улице Королева.

Присутствовали: Елена Елагина, Игорь Макаревич, Даша Новгородова, Елена Калинская.

РАБОТА ВАДИМА ЗАХАРОВА

Звонит телефон.

МОНАСТЫРСКИЙ Алё, да-да. Кто это? А, Андрей... Вадик, делает здесь одну работу. Потом позвони... Захаров, Лейдерман и я.

Звонит другой телефон.

МОНАСТЫРСКИЙ Алё! Кто это? Йосиф, позвони через полчаса, не могу говорить. Ну... тут делают вещи... Да. Давай.

Звонит телефон.

МОНАСТЫРСКИЙ Да, Андрюша. А, что такое Капитон? Не знаю. А в переводе это что значит?... Капит? А на каком языке “капит”?.. А, это я не знаю... да, точно, капитолий!.. Нет, это был такой человек до старообрядцев, лет за двадцать до Аввакума, который ходил по лесам. Именно он потом инициировал самосожжение старообрядцев. Это был дикий сектант... А, хорошо, понятно... Вадик как раз сейчас делает акцию в Капитоне. Ладно, давай, Андрюш, пока!

Звонит телефон.

МОНАСТЫРСКИЙ Алё! Да, Катя! Да ничего, у нас сейчас Вадик Захаров делает акцию в Капитоне. ...Суть в том что он разделся до пояса и ставит себе на живот банки. Одну поставил, сейчас ставит вторую. Ну, знаешь, медицинские банки. Вот, что-то пишет на них золотым фломастером. А у тебя что? Ты книгу закончила? Ну, давай, Кать, потом созвонимся!

Это Вадик наверно сказал, чтобы мне звонили. Сейчас еще будут звонить.

Звонит телефон.

МОНАСТЫРСКИЙ Да! А, Юра, привет! Ну вот, он уже три банки поставил... На живот себе. У нас сегодня встреча Капитона, и он делает сейчас акцию... Не знаю. Он же не говорит. Но перед ним еще три банки... Нет, это медицинские банки. Игорь Макаревич ему ее сейчас поджигает. И ставит. Слишком быстро, не получается. Ну, хорошо, Юра, давай. Заходи до отъезда! Жду тебя.

Да. Интересно, кому он еще позвонил. Филиппов, Бобринская, Альберт. Вадик, а ты когда в последний раз реально ставил банки? ... Ну, что взялась? А вот еще одна упала, Вадик! Да, насилие над телами. Адское. Я боюсь, всегда страшно.

Звонит телефон.

МОНАСТЫРСКИЙ Алё! А, уже отослали? Может быть, только завтра я смогу посмотреть... Вы могли бы по подписям все на сайте Летова узнать. Наберите в поиске “московский концептуализм”. Ну, договорились, Леня. Пока! Неужели и Лернеру тоже дали задание позвонить? Страшно... Можно уже комментировать?

ЕЛАГИНА Комментируй!

МОНАСТЫРСКИЙ читает текст про козу в бараке.

История эта – короткая, но оставляющая очень тяжелое впечатление. Она была услышана мною в юности и, совершенно очевидно, не была предназначена для юного ума и ранимой души в силу незнания некоторых чудовищных сторон жизни, поэтому не была понята мною в то время во всей глубине ее ужаса и трагизма. Лишь спустя годы рассказанное отцом Григорием осозналось в своей потрясающей реальности.

Как сейчас помню папин шепот, прерывающийся от нахлынувших воспоминаний, и... вдруг испытываю невыразимое сострадание, боль и омерзение одновременно.

После чудесного спасения отца Григория и батюшки Алексея из заваленной штольни ствол шахты был вскоре восстановлен и работы продолжались в ней, как и раньше. Тот же непосильный труд, тот же голод, те же заключенные с их нравами и понятиями: в основном – простые мужики, озверевшие от условий жизни, к тому же растлеваемые группой рецидивистов, распутников и подонков, в которых давно умерло все человеческое. Эта небольшая группа создавала костяк барака и определяла соответствующий моральный климат в нем.

Как оказался среди заключенных совсем молоденький паренек (Витек, как он себя называл), никто вопросом не задавался. Не похоже было, что

ему уже исполнилось восемнадцать лет, внешне он выглядел на пятнадцатилетнего. Худенький, почти прозрачный, Витек еще не успел возмужать. Светловолосый и голубоглазый, он походил скорее на девочку-подростка. Его мелодичный голос, не прошедший мутацию, полуженские, мягкие, и даже грациозные движения напоминали пастушка Леля из “Снегурочки” - такая же была в них миловидность и привлекательность.

Для барачной своры он был “лакомый кусочек”, и отец Григорий неоднократно ловил гадостные, похотливые взгляды на этом еще не оформившемся мальчишке.

Витек, особенно после событий в шахте, старался держаться поближе к отцу Григорию. Несмотря на свою молодость и неопытность, он, конечно, понимал недвусмысленность обращенных к нему грязных взглядов и намеков и осознал: случись что – отец Григорий один не в состоянии будет его защитить.

Витек, вероятно, как-то по-своему продумывал способы защиты, так как однажды тихонько сказал:

– Я им в руки живым не дамся. Сам помру, но и этих за собой утащу... Не на того напали.

Отец Григорий воспринял его слова скорее как попытку самоутверждения. Не более. В самом деле, что он может сделать против целого стада зверья, в котором вот-вот проснется весенний гон?

Однажды к отцу Григорию подошел один из самых гнусных подонков барака и, криво улыбаясь, процедил:

– Мы знаем, поп, что ты надеешься на Бога. Но будет по-нашему. Перестань опекать мальчишку. Мы все равно его заберем, раздавим.

Тут он употребил еще пару нецензурных, но вполне понятных выражений относительно жизненных перспектив Витька... и добавил:

– А тебя, папаша, мы просто уничтожим, и так, что никто даже не удивится. Бывают же несчастные случаи. Жизнь!

И с кривой улыбочкой “промурлыкал”:

– “И никто не узнает, где могилка моя”. И не вздумай жаловаться там... наверху.

Мысленно перекрестившись, отец Григорий ответил:

– Там, “наверху”, как ты говоришь, для меня лишь – Господь Бог, и я не жаловаться буду, а просить, чтобы было по воле Его. Ясно? Парня, конечно, я, как смогу, буду защищать, а все остальное – не в твоих и не в моих руках. Не заблуждайся. Да, мне одному против всех не устоять, но за мной Сам Господь, и я полностью полагаюсь на него... – последние слова его потонули в море отборного мата...

А далее последовало:

– Смотри, поп! Я тебя предупредил!

“Жаль, - подумал про себя отец Григорий, – что парень-то неверующий. Вдвоем мы были бы куда сильнее...”

Отец Григорий молился постоянно, призывая на помощь Господа, Матерь Божию и Святителя Николая. Вспоминал он и покойного отца Алексия и его отеческое последнее благословение – кому же хочется умереть, тем более будучи предупрежденным! Но и отвернуться от парня он не мог. Что совершенно сокрушало отца Григория – полное безразличие Виктора к молитве. Все разговоры на эту тему были напрасны. Как в бездонный омут.

Виктору он говорил постоянно:

– Ты Богу молись, Витя. Господь видит все, Он поможет. Все будет по Его Святой воле.

– Да не умею я молиться, дяденька. Но у меня кое-что при-пря-та-но! – как-то доверительно сообщил он. – Недаром я при взрывниках! – хитро, по-деревенски, подмигнул Витек. – Живым не возьмут.

Ощущение постоянно нарастающей опасности не покидало отца Григория. Угрюмое напряжение и похотливые выпады против мальчишки усиливались. Усугубилось до предела и положение самого отца Григория: в любую минуту он ждал или очередного, теперь уже умышленного, обвала, или падающей вагонетки, или прорыва воды на его участке. Да мало ли “случайностей” могло быть.

– Ну, что ж, - решил отец Григорий, - в этом, видимо, промысел Божий. Господь, может быть, испытывает мою веру! Пусть совершается все по Твоей воле, Господи, но, если есть хоть малая возможность, дай мне, Боже, дожить до встречи с моими родными. Столько планов, желаний быть полезным Церкви Христовой... Да кто же не дорожит жизнью!

Время шло...

Однажды после вечерней проверки в бараке слышались какие-то странные, непривычные для лагерной жизни звуки. Милые и даже домашние, они совершенно не вписывались в обстановку барака. Все заглядывались, зашевелились... О, удивление! Каким образом в барак попала коза? Грязно-белая, шерсть клочьями, до безобразия худая-прехудая коза, которая испуганно и беспорядочно металась меж нар, очевидно, ища выхода из помещения.

Быть может, кто-то из внешней охраны содержал в хозяйстве козу, и несчастное животное случайно во время вечерней проверки забрело в барак? А может, ее кто-нибудь просто затащил сюда?

Звонит телефон.

МОНАСТЫРСКИЙ Алё! Никита, привет! Вот, послушай, я читаю.

Можешь послушать?

Читает:

Барачная публика оживилась. Сначала вполне миролюбиво. Кто-то попытался подоить козу – оказалось, что молока у нее не было. Затем возникло желание просто убить ее на мясо. Уж лучше бы и убили.

Страсти накалялись.

Сатанинская рать поднялась вихрем, и замыслы, желания, страшнее и пакостнее одно другого, закипели в головах выроdkов.

Вот и он, бес блуда и похоти, бес содомского греха – грязный, безобразный и беспощадный – явился, налетел и закружил в жуткой своей круговерти, безумном исступлении порочности и нечистоты...

Обитатели барака просто осатанели. Глаза налились кровью, мозги отключились, и взывавшая плоть, не управляемая ничем, кроме бесовских помыслов, начала свои утехы.

Свист, хриплый хохот, почти вой этих нелюдей, сквозь которые прорывались истошные, почти человеческие вопли несчастной козы. Дикое улюлюкание, дьявольский шабаш...

Заключенные сами превратились в диких, безобразных животных. Нет, они были хуже, гораздо хуже...

Отец Григорий сидел в углу, зажимая уши и охватив голову руками. Около него, словно чувствуя неладное, прижимаясь, прячась за его спину, цепляясь, как за последнюю надежду, с глазами, белыми от ужаса, даже не сидел, а врос в нары помертвевший Витек...

Из противоположного угла, из центра взбесившихся тел, хрипов, мата еще слабо прорывались предсмертные стоны, всхлипывания растерзанного, погибающего животного. Конец ее был близок, а похоть только распалась, набирала силу.

Алё! Ты слышишь, да? Читает дальше:

С этого момента положение отца Григория и мальчика становилось угрожающим. Они оба понимали, что озверевшая толпа, не получив свое, кинется на парня и просто сметет, растопчет батюшку, когда он, совершенно безоружный, будет защищать Витька. А в том, что он будет его защищать, отец Григорий не сомневался. Он просто не мог допустить такого попрания человека, почти ребенка – создания Божия...

И вот глаза одного из отмороzkов стали жадно искать Витька... и, конечно, нашли.

Еще мгновение... отец Григорий только успевает призвать помощь Божию, как получает по голове чудовищной силы удар.

Но, возможно, это и спасло его. Теряя сознание и падая, он слышит даже не крик, а детский визг Витька, который, странным образом ускользнув от липких, поганных лап озверелой толпы, с криком: “Я же говорил, дяденька, я их всех уложу-у-у-у!..” – кидается в самую середину мерзких, вонючих тел, на замученный труп разорванной козы, и страшной силы взрыв поднимает весь барак на воздух...

Недаром Витек крутился близ взрывников. Там он прошел свою смертельную школу.

Уложило почти всех. Кроме дымящейся воронки, от барака ничего не осталось. Отца Григория, который от удара по голове был без сознания, отбросило далеко, почти за караульную вышку. Из обитателей барака лишь несколько человек остались в живых. Тело же несчастного мальчишки найти не смогли. Господь, прополов человеческие колосья, вырвал сорные травы...

А Витек? Что ж, то – воля Божья! Кем бы он стал – еще вопрос. Он не понимал и не стремился к молитве, но телесная и душевная его чистота, возможно, помогли в его загробной участи. Господь принял его душу, а где ей быть – на то Его святая воля!

МОНАСТЫРСКИЙ Это об одном, который сидел в лагере в 30-е годы, с 1937, десять лет. Это мы тут делаем Капитона. Вадик делает акцию... Ужасно, просто ужасно. Но это как эпизод – адский эпизод... По поводу чего? Да, видел. Так. Да, это услуги баяна, тамада, но это еще с советских времен было... Нет, я это помню очень хорошо, во всяком случае в 80-е годы я это уже видел... Может быть, ты и наткнулся, но я посмотрю, хорошо. Ты же можешь позвонить. Ну созвонимся. Пока. Он сказал: “Какой противный текст, плохо написанный, ужасный!”. Но зато эпизод мощный. Как Витек бросился и взорвал всех.

Звонит телефон.

МОНАСТЫРСКИЙ Да, Николай. Вадик сидит, и у него семь банок уже, сейчас восьмью ставит... Вадик Захаров – медицинские банки. Уже восьмью поставил. Да. И подписывает каждую банку золотым фломастером. Алё! Ты пропал! Алё! Я тебя не слышу. Перезвони! Ишь, скольким Вадик дал приказ позвонить. А ты вчера еще дал? Когда ты дал? А как ты Бобринскую нашел?

Звук “чпок, чпок, чпок” – Захаров снимает банки.

ЗАХАРОВ Андрей прав. Мне была важна запись его разговоров с людьми.

МОНАСТЫРСКИЙ А эпизод с чтением был лишний?

ЗАХАРОВ Это как раз самый важный момент.

МОНАСТЫРСКИЙ Почему?

ЗАХАРОВ Потому что блестяще сместил акцент с себя на Никиту.

МОНАСТЫРСКИЙ Почему? Он должен был слушать?

ЗАХАРОВ Вот именно. Никита должен был спрашивать тебя, а оказался, неожиданно для него, в твоём цепком шизоидном нарративе. Он занял вдруг пассивную позицию. Я знал, что ты через какое-то время поймешь связь между банками и звонками. А звонки будут продолжаться, и ты начнешь импровизировать... С Никитой получилось идеально! Важно было, чтобы в какой-то момент ты переключил сознание позвонившего.

МОНАСТЫРСКИЙ А они еще будут продолжаться?

ЗАХАРОВ Ну, возможно, еще два.

ЕЛАГИНА Ты и Бобринскую просил?

ЗАХАРОВ Конечно. И Лернера. Задача была поставлена более сложно, но получилась опять немножко неотработанно.

МОНАСТЫРСКИЙ Нет, хорошо, динамично получилось. А на банках что написано?

ЗАХАРОВ Фамилии всех, кто звонил. Бакштейн, Лернер, Альберт, Филиппов, Бобринская, Панитков, Алексеев. На банках должно было отмечаться и время телефонного разговора. Соответственно и красные пятна от банок на моей груди должны были быть разных оттенков. Не все получилось – первые банки плохо держались...

Звонит телефон.

МОНАСТЫРСКИЙ Николай, тебя уже подписали. Твою медицинскую банку подписали. А ты не дома? А к нам ты не хочешь зайти? Тут полно еды, выпивки... А-а, жалко... Давай, перезвони!

ЗАХАРОВ Давайте начнем с обсуждения первой акции сегодня.

МОНАСТЫРСКИЙ Да, начните с моей. Мне там было важно пустое действие. Я хотел, чтобы его не было, а вы решили, чтобы оно было.

ЗАХАРОВ Это как раз самое неважное, самое непринципиальное.

МОНАСТЫРСКИЙ Ну а что тогда принципиальное?

ЗАХАРОВ Честно говоря, эта акция ничем не отличается от любой другой акции КД. Это могло быть сделано и не в рамках Капитона. Но акция сама по себе мне очень понравилась. Интригующая плавная линия перетекания исторической темы с портретами наполеоновских генералов, прибитых к березам, к русскому фольклору и старой акции КД. Откуда ты взял эти

сумасшедшие тексты, которые мы читали в мегафоны?

МОНАСТЫРСКИЙ Из книжки. Это новгородский фольклор. С КД мы бы никогда не сделали такой акции на основе прямого... Наполеон с маршалами, русские люди вокруг зайца мистического, и анекдот с Наполеоном, который из-за зайца упал с лошади.

ЗАХАРОВ То есть такой нарочитой барочности бы не было?

МОНАСТЫРСКИЙ Нет, никогда.

ЗАХАРОВ Ты считаешь, что Капитон – это некая барочность?

МОНАСТЫРСКИЙ Нет, не барочность. Но это построено на историческом материале. Ни одна акция КД не была построена на конкретном историческом материале. А форма – везде одна и та же. Помните, на Киевогорском поле я повесил портрет и замотал его красной лентой. Это же та же самая форма. Это не играет роли. Нет, здесь было важно решить, оставлять ли пустое действие, вернее, начинать ли его, оставлять ли какие-то объекты или нет. И мы решили в итоге – не целиком, а измененное состояние. Больше всего на КД похож ваш проход по тому берегу.

ЗАХАРОВ Мне понравился проход по еще не “окультуренному берегу”. Ведь на противоположном была “аллея акций КД” разных периодов. Например, акция 113. Хотя у меня на фотографии получилось 13. Когда я снимал, там было закрыто веткой. Я на этой акции не был. На нашей с Юрой стороне реки оказалась территория бомжей. А у меня на приглательном выставке в галерее GMG лежит бомж. Неожиданно там оказалась моя новая (очень неприятная) территория. С заброшенными страшными лежанками. Я думаю, что послеакционную часть надо включить как часть твоей акции.

МОНАСТЫРСКИЙ В документацию. Но это ты уже должен, ты же там снимал. Правильно. Я согласен.

ЗАХАРОВ И река есть собственно некая граница, которую мы не могли преодолеть.

МОНАСТЫРСКИЙ Здесь французы более культурные, а на том берегу русские вокруг зайца мистического. Так живут эти русские. Правильно? Так получается? Там же был русский берег, а тут французский. И русский берег – он такой, с городом бомжей, с мусором.

ЗАХАРОВ То есть наш с Юрой взгляд из России на Запад?

МОНАСТЫРСКИЙ А у нас наоборот – с Запада на вас. Вы там были как такие путешественники.

ЕЛАГИНА Это было как послание им туда на тот берег.

МОНАСТЫРСКИЙ Я читал довольно занудный и долгий текст, не очень понятный, с этим “зааминиванием”. Это нормально было?

ЛЕЙДЕРМАН Для меня эта акция тоже близка к вещам КД. То, что мы го-

ворим сейчас, это уже, скорее, уровень символизации. Ведь понятно, что в акции не было никакого зайца и русского мира, а была всего лишь конкретная фотография. Потом уже любому элементу можно приписать идущий за ним символический ряд.

МОНАСТЫРСКИЙ Да, но там внутри был настоящий диск с записью русского мира. Русский мир там оказался представленный бомжовыми сооружениями.

ЛЕЙДЕРМАН Не важно, что записано на диске, важно, что есть коробка и диск. И не важно, что на фотографии, важно, что это фотография. Но от вещей КД эту акцию отличает такая странная – странная историософская отсылка.

МОНАСТЫРСКИЙ Я считаю, что сейчас, поскольку современного искусства нет, то не может быть события искусства. Может быть только событие в истории искусства. Но тем самым мы боремся, уничтожаем понятие “актуальное искусство”. Если мы говорим, что события искусства не может быть в силу его отсутствия, то значит это уже не актуально. Если событие происходит только в истории искусства, то значит никакой актуальности нет.

ЛЕЙДЕРМАН Мне кажется, это сдача позиций и отступление в щель. Мерзкий термин “актуальность” похитил у нас самое главное – событие. То есть событие принадлежит им. Вы в ответ на это говорите: “Да, и правильно, а мы не делаем событий”. Но это слабый и в каком-то смысле жалкий путь. Важнее было бы попытаться найти другие грани события – за, над этой актуальностью “чего прикажете?”. Очистить событие от “чего изволите?”.

МОНАСТЫРСКИЙ Теперь перейдем к твоей акции. Она энергетически была так построена, что вызвала у меня лично чисто физиологическое негативное ощущение. И она как раз именно капитонская. Она новая. Но, с другой стороны, она продолжает линию той “Наташеньки”, когда я тоже страшно возмущался и кричал, что сейчас тут все соберутся и вызовут ментов.

ЛЕЙДЕРМАН Акция продолжает линию не только “Наташеньки”, но и других предыдущих вещей – с украинским флагом, с чтением отрывка про Столешников переулоч и братьев Мироненко, и даже той, где я вообще ничего не говорил. (Они все значатся как “перформансы Димы Блайна”.) Для меня это исследования, каким образом сейчас может прозвучать текст, “поэзия без дураков”. Или с чудовищными “дураками”, но поверх актуальности.

МОНАСТЫРСКИЙ Да, это антикомфортное дело. Если мы в КД всегда говорили о некоем люфте, комфорте, созерцании, то здесь антикомфортность.

ЛЕЙДЕРМАН Но для меня главное – не комфорт или дискомфорт, а попытка найти другой модус звучания. Дело не в самом стихотворении, и

Андрей, как человек мудрый и опытный, сразу это почувствовал. Стихотворение я намеренно подобрал “никакое”. Нельзя сказать, что оно уж очень хорошее, но и нельзя сказать, что оно совсем плохое. Что-то такое вялое, цепляющееся.

МОНАСТЫРСКИЙ Проблескивание.

ЛЕЙДЕРМАН Да. Стихотворение как таковое. И понятно, что главное не в нем, а в ситуации – ввести вас в читку.

МОНАСТЫРСКИЙ В раздражение.

ЛЕЙДЕРМАН Нет, не обязательно в раздражение. В какой-то момент я заметил, что ваше раздражение прошло. Открылось второе дыхание.

МОНАСТЫРСКИЙ Да, это правильно.

ЛЕЙДЕРМАН Однако с чем связано это раздражение? С ситуацией, когда стихотворение находится под гнетом репрезентации. В каком-то смысле это модель того гнета, под которым мы все ходим. Бесконечные репродукции, видео, каталоги, выставки... “Так встаньте, по-другому встаньте!”...

ЗАХАРОВ Я могу сказать, что Юра очень последовательно и активно проводит свою линию в Капитоне. Как ледокол. Для меня очень важный момент, какова будет форма записи нашего чтения. Если сделать из этого клип или фильм, то это будет минусом всей твоей сегодняшней акции, потому что появится конечный результат. Я считаю, что для этой акции лучше вообще не использовать эту запись, выкинуть ее. Это моя позиция. Тогда все повиснет в воздухе. Это было бы очень радикально и правильно.

Акция была замечательная. Эти идиотские повторы в унисон были соразмерны удивительной солнечной погоде. Будто мы оказались в середине вдруг, развернувшейся сцены. Я сразу понял, что происходит насилие над нами. Но поэтика ситуации была очень сильна, несмотря на бесконечные дубли. Важна именно поэтика, а не последующий обработанный материал.

МОНАСТЫРСКИЙ Журналистика полностью уничтожила такие слова, как инсталляция, видеоинсталляция, перформанс, акция, актуальное, тотальное. Гламурная журналистика это полностью приняла, съела и сейчас пользуется этими словами, то есть девальвировала, что очень хорошо на самом деле. Девальвировала жанры полностью. И как раз в этой Юриной вещи есть прорыв, потому что неизвестно, что это такое было. Это некие начала, которые непонятны, и это огромный плюс и интересно. Это была такая цель.

ЛЕЙДЕРМАН Если помните, когда Геракл мучился от отравленной одежды, он хотел покончить с собой, но все боялись подойти и зажечь костер, на котором он уже возлежал. Только его друг Филактет согласился, и Геракл подарил ему свой лук и стрелы. Это же наша ситуация: мы не можем зажечь друг друга. Нет товарищей, которые могли бы тебя зажечь. Единст-

венное, что есть – эти повторы, возгласы “и...и!...и...и!” Я пригласил помочь мне Андрея Сильвестрова как раз потому, что он профессиональный кинематографист и для него это нечто естественное – бесконечные дубли.

ЗАХАРОВ Он заставил нас терпеть и продолжать. И делал это идеально.

МОНАСТЫРСКИЙ Теперь к Вадику перейдем.

ЛЕЙДЕРМАН Когда Вадик начал ставить банки, для меня произошло странное слипание. Будто некие токи, о которых пишет Берроуз – они идут через нас, и мы способны предвосхищать события, которые проявляются через десять-пятнадцать лет. Я ведь уже имел дело и с медицинскими банками и с пылающей кожей Геракла. В 1994 году я участвовал в организованных Витей Мизиано семинарах художников с философом Валерием Подорогой. В заключении Подорога дал всем задание, которое называлось “Геракл – изготовитель кож”. Я и вспомнил тогда сюжет с предсмертными мучениями Геракла, когда отравленная ядом одежда прилипла к его коже. Работа заключалась в том, что у меня в мастерской мне делали всевозможные домашние разгорячительные процедуры – ставили банки, горчичники, парили ноги, а я тем временем импровизировал на пишущей машинке стихотворение.

МОНАСТЫРСКИЙ Интересное соединение. Так же как с бомжами у Вадика.

ИГОРЬ МАКАРЕВИЧ Акция Вадима интересна еще по фактуре. Во время трапезы и такой откровенный физиологизм...

ЛЕЙДЕРМАН Да это нашему кругу не свойственно. Вот в акциях КД всегда задан некий уровень комфортности, но и некий уровень концентрации. То есть КД что-то делает, люди стоят и смотрят, но при этом они могут переговариваться друг с другом, немного отвлекаться и пр. Жесткого приказа: “Стой и смотри!” – нет. У меня этот уровень сегодня был перекрыт – повторяй и повторяй... А у Вадика, наоборот – опущен, чего никогда не было: сидим за столом, как уголовники сидят расслабленно, жрут водку, кто-то разделся до пояса. Витька, правда, нет.

МОНАСТЫРСКИЙ Для меня-то это была живая акция. Я все время отвечал на звонки и читал еще. Я был в таком же положении, как ты с банками. Ты молча испытывал воздействие на свое тело через банки, а я на свое сознание через эти звонки и тексты.

ЕЛАГИНА А чтение текста было стихийным? Или это было задание?

МОНАСТЫРСКИЙ Стихийно.

ЗАХАРОВ Интересно, что когда мы ехали после акции, у меня было очень хорошее впечатление от дневных акций – и первой, и второй, от погоды. И я представлял, что сейчас люди будут есть, а мне придется демонстрировать телесность, и мне очень не хотелось. Мне казалось, что это будет тяжело и не к месту. Лишней акцией.

ЕЛАГИНА А вышло хорошо, ненавязчиво.

ЛЕЙДЕРМАН Получилось идеально. Вадик, а как тебе пришла идея с банками? Общая структура понятна. Но почему именно банки? Ты ведь мог после каждого звонка спичку ломать или становиться на голову. Этот момент с кожей...

ЗАХАРОВ Должна была быть некая живая поверхность, реагирующая автоматически на весь наш бред. На коже должны были остаться отпечатки всего этого. Банки ставят на легкие, а здесь на живот. Это также, очень отдаленно, связано с акцией Андрея. Помните, он рисовал на животе? Как она называлась?

ЕЛАГИНА “Разговор с лампой”.

ЗАХАРОВ Да. Этот момент ссылки на классическую работу Андрея был мне важен. Он рисовал лицо на животе. Здесь, собственно, это лицо втянуто в какое-то другое пространство банки.

МОНАСТЫРСКИЙ Вообще все это мне напоминает детскую художественную школу. Через неделю вы должны принести такие-то работы. Мы будем их вместе обсуждать. И это очень хорошо.

ЛЕЙДЕРМАН Не уверен. Все, что мы делаем, как правильно заметили Кабаков с Эмилией относительно Премии Кандинского, это дистрофия. Ничего сильного уже нет. Как дистрофики!

МОНАСТЫРСКИЙ Идеология слабых работ – это важнейшая вещь. Именно детская художественная школа, отчет, и идеология слабых работ. Это, на мой взгляд, и есть Капитон.

ЛЕЙДЕРМАН Андрей, но мы же хозяева жизни. Как говорят американцы: “Мы не те, кто сопротивляется истории, мы те, кто делает историю”.

МОНАСТЫРСКИЙ Историю всегда тайно делают, не явно.

ЛЕЙДЕРМАН Есть разный уровень детской самодеятельности. Когда Рембо приехал в Париж, ему было шестнадцать лет, и в кругу поэтов-парнасцев он был тоже как детская самодеятельность. Только она все взрывала.

МОНАСТЫРСКИЙ А я не понимаю, зачем взрывать или не взрывать. Я лично сегодня был всем полностью доволен – и всеми вещами, и атмосферой. Лена, а вы скажите о своих впечатлениях – как человек со стороны, который в первый раз на Капитоне? Только честно говорите!

ЕЛЕНА КАЛИНСКАЯ Мне показалось, что была такая разница, переход от первой акции на вторую и третью. Первая действительно была больше как КД, как символические акции. А вторая и третья более западные, телесные. Во второй, где надо было понять, что это не закончится до того, как вы не скажете: “Стоп, все”. Это испытание людей, зрителей, которые туда поставлены. Они должны стать активными, что-то делать. Они не просто смотрят, а в них решение, как это закончить. И другая – где стол, мы си-

дим, едим, как обычная, ежедневная жизнь. И вдруг такая акция, как столкновение, событие. Мне это показалось более западным.

МОНАСТЫРСКИЙ А первая чисто литературная вещь, как КД, логоцентрическая.

КАЛИНСКАЯ Там много слоев, символических линий, исторических.

МОНАСТЫРСКИЙ Но все равно литературная. А несмотря на то, что мы читали стихотворение Лейдермана, это была нелитературная акция.

КАЛИНСКАЯ Меня интересовало в первой акции, почему поход был вдоль реки, а не друг на друга. Наполеон же шел на Россию и вернулся (как на этой карте). Надо было в реку идти.

МОНАСТЫРСКИЙ Так я же им говорил в прошлый раз, что надо исследовать дно реки Яузы.

ЛЕЙДЕРМАН Причем, когда мы стояли на том берегу, Вадик мне сказал: “Ну, сейчас скомандуют – через реку!”.

ЛЕЙДЕРМАН В первой акции был приятен момент смотрения в бинокль и настройки, узнавания, что это за фигурки... Портрет... романтический портрет... Единственный, кого я опознал, это Наполеон. Что-то прыгающее, но все-таки мощь в округлости лица. Сочетание жирности, округлости лица с какой-то мощью, свойственной Наполеону.

МОНАСТЫРСКИЙ Но это чисто русская акция была, а у них западная, правильно?.. Я сначала хотел завести разговор о каловых массах французской армии. Если сложить все в кучу, какая это будет куча за день. А потом, как она будет уменьшаться, когда их будет все меньше и меньше. Я сначала хотел обсуждать эти кучи говна и их уменьшение. Идет колонна 3 тысячи человек. Когда срать? Где эти три тысячи будут срать? Но я понял, что надо ограничиться тремя текстами и не надо заводить этот разговор. Хотя это самое важное. Когда они вошли и насрали после Немана, это было европейское говно и русская почва. Тонны европейского говна. А что это такое? Это та же земля. Был положен слой европейской земли на русскую землю. И потом, когда их убивали, она уменьшалась. И когда они выходили, их совсем было мало. Больше говна осталось, то есть слой европейской земли в России был довольно существенным.

ЛЕЙДЕРМАН Они не только говном покрыли русскую землю. До сих пор в России и на Украине по деревням, когда рождаются темноволосые дети, их называют “французиками”.

МОНАСТЫРСКИЙ Так это так и есть. Представляешь, для того времени, 650 тысяч военных вошло. Тогда же было мало народу. Это же колоссальные дела.

КАЛИНСКАЯ А что вы скажете о походе вдоль реки, а не через реку?

МОНАСТЫРСКИЙ На самом деле, там дело не в сюжете. Сюжет был лишь

предлогом. Для меня были только две вещи важны – формообразующие. Это наличие или отсутствие пустого действия. Я хотел, чтобы его не было, а они настояли, чтобы оно осталось. И их проход по тому берегу был для меня самым важным. Как пространственно-временное событие. Я там никогда не был. И никто из нас. И я ни разу не видел, чтобы там кто-то ходил. Это не событие искусства – этот проход. Это подвиг называется. Как раньше на дерево залезть или перейти по бревну. Подвиг.

ЗАХАРОВ В одной из палаток образовался огромный мешок с водой, повисший в воздухе.

МОНАСТЫРСКИЙ А свежие следы пребывания были?

ЗАХАРОВ Нет, не похоже. Летний сезон закончен.

МОНАСТЫРСКИЙ Нет, все эти портреты ничего не значат, это все полная шелуха. Только их проход. Это я писал в “Поездках за город” в 1980 году: “Для нас самое главное сделать необычным восприятие обычного – света, звука, хождения, прохода, удаления...” А жизнь человека всегда состоит только из одного – из прохода, прохождения.

ЗАХАРОВ Можно сказать, что Андрей вышел из своей акции с помощью нас. Ты нас использовал как зомби, которые прошли по темной стороне другого мира. В этом смысле это некий мост от КД к Капитону. Я сразу встретился со своим миром, который сейчас для меня актуален.

ЛЕЙДЕРМАН Проход – это не вся жизнь. Есть еще битвы, баррикады...

МОНАСТЫРСКИЙ Все другое для меня страдание. Битва, баррикады – это раны, боль, крики. А проход, причем с собакоотпугивателем и молотком, это очень важно. Если бомжи – у вас есть молоток, а если собаки – собакоотпугиватель. ... Каждый – это всегда одна личность. Не может быть с одной стороны масса, а с другой несколько героев-личностей, потому что это тоже масса.

ЛЕЙДЕРМАН Но есть еще группа, бригада, братство...

МОНАСТЫРСКИЙ Это все разновидности массы.

ЛЕЙДЕРМАН Нет. Круг КД – это же не масса.

МОНАСТЫРСКИЙ Мне кто-то сказал о взаимозаменяемости всех членов КД, включая меня. Я сказал, что нет, это экзистенциальная история, и в каждом члене КД все содержится. На сто процентов, а не сколько-то процентов.

ЛЕЙДЕРМАН Я про это и говорю. Есть ситуации, когда группа тебя в большей степени делает вечным, чем можешь ты сам.

МОНАСТЫРСКИЙ Масса и есть группа.

ЛЕЙДЕРМАН Нет.

МОНАСТЫРСКИЙ Это уже тонкость терминологическая.

ЛЕЙДЕРМАН Нет, не терминологическая! Группа, движение, круг, братство

и т.д. не являются ни личностью, ни массой. Заметьте, что искусство как раз и делается в этом ракурсе.

МОНАСТЫРСКИЙ Искусство не учитывает массу.

ЛЕЙДЕРМАН Модернистское искусство есть некий круг, некая братва, которая против массы.

МОНАСТЫРСКИЙ Но мы же все из массы выходим – каждый член группы, каждая личность выходит из массы. Откалывается всегда от массы.

ЛЕЙДЕРМАН Да, но группа в каком-то смысле и дает нам шанс стать самим собой.

МОНАСТЫРСКИЙ В общем да, правильно. Как монахи.

ЛЕЙДЕРМАН Монахи, революционеры. Вас, Андрей, интересует ситуация чистого восприятия, внеличного. Но вы можете выстроить эту ситуацию только когда у вас есть референтный круг.

МОНАСТЫРСКИЙ Конечно. Иначе будет замкнутая ситуация, где не будет никакого движения.

ЗАХАРОВ В любом случае мы Капитона замыкаем на тот же референтный круг. Перехода к другому кругу, другому зрителю не происходит. Можно было бы попытаться выстроить какой-то другой контекст. Вопрос – нужно ли это?

ЛЕЙДЕРМАН Мы пока не можем найти контекст этой братвы даже внутри Капитона.

ЗАХАРОВ Мы классические раскольники.

МОНАСТЫРСКИЙ Это и хорошо. Капитон – это сверхраскольник, такой абсолютный зверь, как одинокий волк, который бежит по лесу. Причем он же инициировал самосожжение.

ЛЕЙДЕРМАН Тогда зачем мы сделали группу и назвали ее Капитон?

МОНАСТЫРСКИЙ Не знаю. Если бы было все рационально, логично, понятно, тогда бы вообще ничего не происходило. Все же происходит через шероховатости и непонятности.

Приходит Николай Панитков.

ПАНИТКОВ “И..и..и” способствует изменению сознания. Это из даосской практики. Мне Мамлеев рассказывал, источник сомнительный, но... То ли Мамлеев, то ли такой был переводчик китайской поэзии – Микушевич. Кто-то из таких патриархов. “И..и..и” – это такое верещание белки. Такое фонетическое звучание – не “а”, не “у”, не “о”, а “и”, типа выдыхания. А что за текст? Андрей, дай почитать текст...